

Горис Алмазов

СИНИВА

Борис Александрович Алмазов

Синева

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69906814

SelfPub; 2023

Аннотация

Повесть сказка о современном первокласснике, который неожиданно для себя научился летать. О редкости и хрупкости таланта и об необходимом умении его защищать.

Содержание

Глава первая. Жил-был Дуня.	4
Глава вторая. Утро туманное	12
Глава третья.	19
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Борис Алмазов

Синева

Глава первая. Жил-был Дуня.

В одном большом-пребольшом городе, в одном высоком-превысоком крупноблочном доме, в малогабаритной квартире жил-был ученик второго класса Тимоша по прозвищу Дуня!

Получил он это ужасное девчоночье прозвище из-за родителей. Они Тимошу очень любили и называли ласково Одуванчиком.

«Смотри,— говорила мама папе, совершенно расстроенная,— наш Одуванчик такой худенький, совершенно невесомый. Одни вихры! Он даже тени не оставляет!» — «А это что? — говорил папа, чтобы утешить маму.— разве не тень?» И показывал на нечто бледно-серое, что по размеру было меньше его кроссовки. «Ну, что ты! — не успокаивалась мама.— Это тень от его одежды».

Даже летом мальчик спал в тёплой пижаме, а по квартире ходил в больших тёплых тапочках с помпонами.

Снимать тяжёлые тапки категорически запрещалось. Наверное, родители боялись, что без них Тимошу может унести сквозняком. Может быть, поэтому только и слышно бы-

ло: «Одуванчик, надень пальто! Одуванчик, опусти у шапки уши! Одуванчик...»

Ребята в школе, конечно, не могли звать его так длинно. Слово Одуванчик само собой сократилось, и Тимоша стал Дуней. Как девчонка. Так и пошло: Дуня да Дуня.

Но и без этого прозвища многие старушки, что круглосуточно сидели на лавочках в скверике, считали Тимошу девочкой.

«Ах! – кричали они ему. – Ну, зачем ты схватила клюшку? Такая хорошая девочка, а водишься с такими скверными мальчишками! Зачем тебе этот гадкий хоккей?! Сядь лучше на скамеечку, мы научим тебя вышивать».

«Папа! – чуть не со слезами спрашивал Дуня. – Ну, почему меня все принимают за девочку?» – «Ничего страшного, – говорил папа. – Меня тоже очень долго принимали за девочку, а потом я стал хорошо есть кашу, и вот посмотри...»

Теперь папа был похож на трактор «Кировец-701». Вероятно, с кашей он перестарался.

«Мама! – горестно вздыхал Дуня. – Ну, разве я похож на девочку?» – «Ты похож на Маленького принца! – гордо отвечала мама. – На Маленького принца, про которого написал чудесную сказку замечательный французский писатель Антуан де Сент-Экзюпери».

И в подтверждение своих слов она однажды принесла портрет Маленького принца (его сам нарисовал замечательный французский писатель Антуан де Сент-Экзюпери) и по-

весила на стенку над Тимошиной кроватью. Мама и папа долго стояли перед портретом Маленького принца, взявшись за руки, и молча вспоминали что-то своё, к чему Тимоша не имел никакого отношения, потому что родился гораздо позже.

Когда родители ушли на работу, Тимоша долго рассматривал Маленького принца. Потом, когда чистил перед завтраком зубы, он рассматривал себя в зеркало, но никакого сходства не обнаружил. Уши у них были совершенно разные. Ну, разве у Маленького принца уши? Смех один. Глаза? Ну, абсолютно непохожие глаза! А носы?! Тут вообще говорить нечего, у Маленького принца носа почти что и нет, зато у Тимоши!.. Особенно когда насморк!..

Вот только шарф! Длинный шарф Маленького принца был точь-в-точь такой же, как у Тимоши. Как увидел Тимоша этот шарф, сразу ему Маленького принца жалко стало. Ведь известно: человек, будь он хоть принц, хоть кто, просто так на шею здоровенный шарф наматывать не станет! Раз на шее шарф – Дуня это по себе очень даже хорошо знал, – значит, дело ясное: ангина!

«А вот ангина, будь она неладна! – говорил Иван Карлыч. – Это вам не фунт изюма».

И Тимоша с Иваном Карлычем был полностью согласен: то есть совершенно не фунт! Некоторые здоровяки – не будем называть их пофамильно – так вот, некоторые здоровяки из второго, из третьего и даже из четвёртого класса только

и мечтали заболеть.

«Везёт же Дуне! – говорили они с завистью. – Только чуть-чуть по луже походил, даже не на самую глубину – и, пожалуйста, полчетверти болеет. А тут по пять порций мороженого съедаешь на катке – и хоть бы горло покраснело, хоть бы на одно деленье температура поднялась! Счастливы ты, Дуня!»

Некоторые здоровяки думали, что болезнь – это вроде ка-никул. В школу ходить не надо! Уроки учить не надо! И никто за это не ругает, не дразнит лодырем, прогульщиком, а наоборот: все тебя жалеют! Подарки дарят! Всякими сладостями угощают.

А ты валяешься целый день на кровати, уплетаешь бананы-апельсины со сгущёнкой и смотришь по телевизору все передачи подряд!

Эти некоторые здоровяки сами никогда-то не болели. Где им понять, что болезнь от слова «боль» происходит. И, стало быть, больных жалеют не зря... Болеть – ох, как трудно!

Тимоша-то это знал, к сожалению, очень хорошо.

Если бы некоторые здоровяки узнали, о чём мечталось Тимоше, они бы очень удивились, потому что мечты у него были о самых простых вещах. Здоровяки никогда бы не подумали, что об этом можно мечтать. Например, о том, чтобы летом бегать по лужам босиком, под дождём, зимой лепить снеговиков и кидаться снежками – без варежек! А весной и осенью ходить без галош, промачивать ноги. И круглый год

есть мороженое!

Но чтобы не навалилась при этом душная температура и не болело горло, словно туда гвоздей наколотили.

Он мечтал ходить в школу каждый день и получать отметки не только по русскому языку и математике, но и по физкультуре, и по пению, от которых он вечно был освобождён.

Он мечтал о том, чтобы в их квартире, где пахло лекарствами и даже радио говорило вполголоса, каждое утро громко трезвонил будильник!

Будильник-то у Тимоши был замечательный. Довоенный. Дедушкин. У Будильника был похожий на шляпку гриба здоровенный никелированный звонок, а на задней стенке брякали две серьги с полустёртыми лихими надписями: «Ход» и «Бой».

Старый Будильник работал, не зная усталости. Круглые сутки он считал минуты, пересыпал секунды и складывал их в часы, дни и годы. А в те редкие дни, когда мальчик был здоров, по утрам Будильник звонил. И тогда казалось, что там, внизу, под окнами дома, где шипели шинами и завывали троллейбусы, вдруг затрезвонил весёлый весенний трамвай (хотя трамваи здесь сроду не ходили, тут и рельсов-то не было!).

От такого отчаянного переливчатого звона просыпался даже Иван Карлыч. А уж он-то был не просто любитель поспать, он был Мастер Сладкого Сна! Профессионал. Спал Иван Карлыч самозабвенно: храпел, причмокивал во сне,

стонал, разговаривал и даже отвечал на вопросы не просыпаясь. Он мог заснуть в любом положении и на любой срок. У него и любимая пословица была про сон: «Лучше переест, чем недоспать!» В общем, спал он как сурок, потому что и был... сурком.

Нынче сурки – редкость, кое-где даже в Красную книгу записаны. А ведь были времена, когда ни один порядочный шарманщик без сурка на улицу не выходил. Сурки вытаскивали билетики со счастьем. Иван Карлыч очень любил об этом рассказывать. Он надевал старинное золочёное пенсне, как у писателя Чехова, и доставал с книжной полки открытку – репродукцию с картины старинного французского художника Ватто «Савояр с сурком».

«Вот, – говорил он торжественно, – вот, пожалуйста, нас, сурков, великие художники рисовали. А ещё он любил рассказывать, как композитор Людвиг ван Бетховен написал про пра-пра-пра-пра-(и так далее) дедушку Ивана Карлыча замечательную песню «Сурок», которую вот уже много лет разучивают дети всех музыкальных школ мира. Тимоша её тоже не миновал и тоже старательно вымучивал на клавиатуре макаронными пальцами: «И мой всегда, и мой везде, и мой сурок со мною...» Иван Карлыч задумчиво покачивал в такт головой, сняв пенсне. Он был готов слушать эту пьесу всё время. Потом он долго промокал глаза кружевным платочком.

Ивану Карлычу много всего пришлось пережить, прежде

чем он попал к Тимоше. О тех временах он не любил вспоминать. И когда мальчик приставал с расспросами, только махал бархатной лапкой и тяжело вздыхал: «Зачем ворошить кошмарное прошлое... Я счастлив тем, что под старость обрёл тихую пристань...»

Вот так они и жили. Папа и мама уходили на работу, когда Тимоша ещё спал, а возвращались частенько, когда он уже спал. Так что весь день мальчик проводил с двумя старыми своими друзьями – с Будильником да с Иваном Карлычем. С ними он играл и разговаривал, с ними смотрел телевизор и читал книжки. Бывало, что они ссорились, но не надолго, потому что любили друг друга.

«А если любишь,— говорил Иван Карлыч,— всегда помиришься...»

А ещё у Тимоши был дедушка – солдат. На стене, на фотографии. «Совсем молодой, прямо мальчик»,— говорила мама. И до того схожий с Тимошей, что мальчику иногда казалось, будто это не дедушка, а он, Тимоша, сфотографирован там, в прифронтовом лесу, у какой-то разбитой телеги.

На дедушке-солдате была старая мятая ушанка со звёздочкой, прожжённый ватник без погон, широченные штаны с заплатками на коленках, огромные ботинки на заклёпках да обмотки, в которых ноги казались кривыми и тонкими.

Тимоша любил эту фотографию. Недаром она висела над его кроватью. Засыпая, он подолгу смотрел на своего дедушку и был уверен, что солдат на фотографии видит и слышит

всё, что происходит в доме, и даже знает, о чём Тимоша думает и мечтает.

А когда на фотографию падали солнечные лучи, мальчику казалось, что солдат улыбается ему и даже подмигивает: «Не горюй!» И странное дело: рядом с этой выцветшей фотографией тускнели самые яркие картинки и открытки...

Нет, не то чтобы они вправду блёкли. Просто если они случайно попадали на стенку, где висел дедушкин портрет, то сразу как-то терялись: на них никто не обращал внимания и потом даже не мог вспомнить, что там было изображено.

Даже Маленького принца, так замечательно нарисованного писателем Сент-Экзюпери, пришлось перевесить по-другому. Рядом с фотографией он был чем-то вроде рисунка на обоях... А вот фотографию Тимоша никогда не дал бы убрать. Рядом с нею ему было спокойно и даже болеть было легче...

Правда, мальчику было немножко обидно, что у солдата нет ни боевых орденов, ни автомата и на боку не револьвер, не сабля, а толстая тяжёлая санитарная сумка.

Глава вторая. Утро туманное

В то утро всё было как всегда. Тимоша ещё сквозь сон услышал, как переругиваются шёпотом старый Сурок и Будильник.

– Опять выключать! Не дамся! Не позволю! – бренчал всеми своими шестерёнками Будильник, бегая по комнате.

– Не убегай! Не убегай! – задыхался Иван Карлыч. – Остановись!

– Что это такое?! – возмущался Будильник. – Я точный! И выключать себя не позволю! Вчера выключил. Позавчера... Я – Будильник! Мой долг – будить, то есть звонить!

– Да пойми ты, консервная банка со стрелками! – не на шутку сердился Иван Карлыч. – Мальчик болен! Дай ты ему поспать... Не буди его!

Тут Тимоша сразу почувствовал, что ангина не прошла, а значит, в школу нельзя. Делать совершенно нечего...

Папа с мамой на работе. Уроки давно выучены. А новые ещё когда-а ребятам зададут, ещё когда-а Булкин позвонит по телефону да скажет, что на завтра учить. Если сейчас проснуться, придётся принимать лекарство, пить противное тёплое молоко. А больше и дел-то никаких. Хоть опять спать ложись, хоть в окно гляди...

Только в окно ничего особенно интересного не увидишь: улица далеко внизу. Оттуда шум машин доносится, ино-

гда собака залает, милиционер засвистит... И ещё тысяча непонятных звуков. И так иногда хочется узнать, что же там делается на улице! Но окна открывать категорически запрещено. И не только окна, но и балконную дверь. Тимоша родителям торжественно пообещал окна без них не открывать, а он слово держать умеет.

А если из окна не высовываться, то только и видно стадо домов, таких одинаковых со всех сторон, что даже если их перевернуть и поставить на плоские крыши, то никто перемены не заметит.

«Вот если бы не было номеров, как бы люди свои квартиры находили?» – думал иногда Тимоша.

На дома смотреть ему совсем не хотелось.

И всё же он любил смотреть в окно, хотя бы и закрытое, потому что за ним было небо! В небе плыли облака, проносились птицы. Оставляя серебряные полосы, пролетали самолёты.

Небо всё время менялось: оно было то голубым, то синим, то фиолетовым, розовым, нежно-зелёным, алым...

И если долго-долго смотреть на плывущие в широком небе облака, то начинало казаться, что и сам среди них лежишь навстречу солнцу...

Но сегодня всё небо было затянуто серой пеленой, словно его выкрасили скучной краской. Тимоша решил не просыпаться: ведь когда спишь, время идёт быстрее и уносит болезнь. Мальчик покрепче зажмурился. Но заснуть не давал

шёпот Сурка и тиканье Будильника.

– Хорошо! – сказал наконец Будильник. – Уступаю вам, но запомните: это в последний раз.

– Ах... – вздохнул Сурок. – Если бы мальчик болел в последний раз!..

– Нужно закаляться! Нужно раньше вставать – и за город, и на зарядку, – звякал Будильник. – Раз – два! Раз – два! Время, вперёд, вперёд, время!

– Кто спорит, закаляться нужно, – кряхтел Сурок, забираясь в своё кресло. – Только сначала нужно выздороветь. Вон в прошлое воскресенье съездили за город – и пожалуйста: температура тридцать девять и две!

– Это Тимошу в электричке продуло. Ну ничего! Скоро его родители купят машину и тогда быстрее будут добираться до лесов и парков. Будут загорать, купаться... Мальчик станет сильным и здоровым.

– С чего это он станет?.. Сейчас в электричке простужается, – пробурчал себе под нос Иван Карлыч, укрываясь пледом, – а потом в машине будет простужаться... Нет, нужно пешком ходить...

– Напрасно вы не верите в технику! Вы с ней просто не знакомы, – забренчал Будильник.

– Это я-то? – Иван Карлыч заёрзал в кресле, и оно заскрипело, как старый корабль. – Да я на собственной шкуре, так сказать, испытал, что такое техника... Когда с грызунами боролись, меня вся сельскохозяйственная авиация гоняла! Да

я!.. Что там говорить... При чём тут техника... Счастье от техники не зависит! Родители – взрослые люди, а не понимают простых истин...

– Чего не понимают?

– Того, что, пока они на машину зарабатывают, мальчик вырастет. Машина, конечно, будет... Потом... А они ему нужны – сейчас!

– Но Тимоша ничего об этом не говорил!

– Да что ты, сам не понимаешь?

Иван Карлыч даже поднялся с кресла, перекинул череплечо клетчатый плед и заходил по комнате, как шотландский стрелок.

– Где это видано, чтобы мальчики с будильниками и сурками разговаривали?

– Нет, почему же, – возразил было Будильник, – вот в журнале «Наука и жизнь»...

– Да ни при чём тут наука, – оборвал его Иван Карлыч. – И разве это жизнь? Сидит один-одинёшенек на двенадцатом этаже... Тут с водопроводным краном разговаривать научишься. Мысли всякие дурацкие в голову лезут...

Иван Карлыч принялся ещё быстрее вышагивать.

– Я, говорит, летать хочу! Понимаешь: летать!

– Что же тут дурацкого? – затарахтел Будильник. – Мы рождены, чтоб сказку сделать былью... Всё выше, и выше, и выше!

– Это я и сам знаю! Я ему говорю соответственно:

«Учись, закаляйся – будешь лётчиком!»

– А он?

– А он, видите ли, мечтает, чтобы без всякого мотора – взял и полетел! Кругом, говорит, простор и ветер!.. А живём мы, между прочим, на двенадцатом этаже! А родителей дома нет...

«Да что ты, Иван Карлыч! – хотел было закричать Тимоша, – Что я, маленький? Я же не в этом смысле...» Но подумал, что придётся ему так долго свою мечту объяснять и растолковывать, что она совсем мечтой быть перестанет. А это была самая большая, самая затаённая Тимошина мечта: летать.

Лёжа в кровати, сквозь полуприкрытые веки он видел огромное окно во всю стену. А за ним – небо. И облака плывут совсем близко: протяни руки – достанешь... Иногда Тимоше снилось, что окно бесшумно распахивается, словно огромные прозрачные крылья, взмывают занавески, а он, Тимоша, летит, раскинув руки, туда, в синеву, к облакам и птицам. Летит над улицами, над домами и дорогами, что ведут в поля, леса...

– А куда он лететь собирается, не сказал? – спросил Будильник.

«А действительно: куда?» – подумал Тимоша. Но почему-то думать об этом не хотелось. Он только знал, что летать – это счастье.

– Известно куда, – ответил Иван Карлыч. – Куда сердце зо-

вёт. К друзьям, к хорошим людям.

«И правда,— удивился Тимоша.— Конечно, к друзьям!»

— К Булкину, что ли? — спросил Будильник. ~ К Булкину?! — зарычал Иван Карлыч.— При чём тут Булкин! Булкин ему не друг, а староста класса!

~ Спокойно, спокойно,— испугался Будильник.— Староста так староста. Я лично этого Булкина и не видел никогда.

— Вот именно! Вот именно! — кипятился Иван Карлыч, размахивая пенсне.— Он Тимоше уроки по телефону диктует. Заразиться, видите ли, боится!

— Ну и что? — удивился Будильник.— Он же выполняет свой товарищеский долг.

— Нет никаких долгов! — завопил Иван Карлыч.— Дружья — это когда друг друга любят, а не выполняют долг. Дружба в долг, любовь в кредит!..

— Так что же ему, ангиной заражаться, если он друг? Булкина понять можно! — не соглашался Будильник.

— Понять можно — простить нельзя! Ох, ох... — Иван Карлыч стал хвататься за сердце.— Есть вещи, которые объяснить трудно. Они либо есть, либо нет... Ох, разволновал ты меня. Не друг ему Булкин, не друг!

— Ну хорошо! Хорошо,— успокаивал Сурка Будильник.

— Да ничего хорошего! — опять рассердился Иван Карлыч.— Что же может быть хорошего без друзей? Это же кошмар!

— Да не волнуйтесь так! Успокойтесь! Поспите!

Какой уж тут сон...— вздохнул Сурок.— Мечтал поспать, но... Ну что это за жизнь... Одни волнения! Ох! Нужно подниматься, за дела приниматься. Суета, она отвлекает!

Глава третья.

Нам пишут

Иван Карлыч прошлёпал на кухню, загромыхал там кастрюлями, хлопнул дверцей холодильника.

– Вот! – сказал он, возвращаясь в комнату с листком бумаги. – Очередное послание от родителей! Воспитание, извольте ли видеть, в письменной форме. Скоро родители своих детей воспитывать начнут по телевизору. Так что же они пишут?

Он водрузил на нос пенсне, заправил чёрный шнурок за ухо. Подошёл к свету.

– Что за почерк! Боже мой, что за почерк! Ничего не разберу...

– Давайте я! – Будильник склонил свою круглую голову над письмом. – «Одуванчик!» – прочитал он.

– Дурацкое прозвище! – фыркнул Сурок.

– А мне нравится, – сказал Будильник. – Очень даже нежное прозвище.

– Ничего нежного! Сорняк. Трава. И вообще, зачем же существуют тогда имена, отчества, фамилии? Зачем они своего сына называли Тимофеем?

Будильник решил не спорить с Иваном Карлычем и стал читать дальше:

– «Сынок, каша на плите».

– Опять каша,– вздохнул Сурок. Тимоша вздохнул тоже.
– «Молоко в холодильнике».
– У ребёнка ангина, а они молоко засовывают в холодильник.

– Ничего,– сказал Будильник,– можно разогреть.

– Ребёнку восемь лет – он должен возиться с газом!

– У него это неплохо получается. А вы, Иван Карлыч, если боитесь газа, так и не трогайте плиту, а то ещё взорвётесь!

– Ну, знаете!.. Я... Я...– От возмущения Сурок стал заикаться.– Я ничего не боюсь! А считаю страх ниже своего достоинства! Вот так! Молодой человек...

– Да ладно, ладно...– примирительно сказал Будильник.– Какой же я молодой, меня ведь ещё в первую пятилетку сделали! Давайте дальше читать. «Милый Тимоша! Не скучай!»

– От этих слов он сразу развеселится,– не утерпел и съехидничал Сурок.

– «Мы понимаем, как тебе одиноко живётся!» – продолжал Будильник.– Ну вот, а вы говорите – они не понимают.

– Ну, допустим. Допустим. Хотя и сомнительно.

– «И поэтому решили сделать тебе подарок».

– У нас этих подарков,– присвистнул Иван Карлыч,– вагон с тележкой. Одних пистолетов на целый полк.

Но Будильник решил больше не отвлекаться и дочитать записку до конца.

– «Конечно,– читал он,– у тебя есть Иван Карлыч».

– Это ещё неизвестно, кто у кого «есть»! – проворчал Су-

рок.— Не было бы у меня этого мальчика — махнул бы я на родину в Поволжье или на целину — у меня там тоже родственников полным-полно — и жил бы, как все нормальные грызуны, на свежем воздухе и витаминах...

— «Но Иван Карлыч уже старый...» — продолжал читать Будильник.

— «Старый»! Я не собираюсь за олимпийскую сборную в хоккей играть! — возмутился Сурок.— Кому какое дело... Да это просто неприлично...

— «И наверно, тебе уже надоел...» — Будильник замолчал. Тимоша приоткрыл один глаз.

Иван Карлыч стоял, уронив пенсне, и беззвучно открывал рот. Его толстенькие щёчки мелко тряслись.

Тимоша хотел вскочить, подбежать к старому Сурку, обнять его. Но болен он был всё-таки по-настоящему, и голова у него была как стопудовая, поэтому Будильник его опередил.

— Иван Карлыч! Ну что вы, Иван Карлыч! — забормотал он.— Неужели вы эти глупости принимаете так близко к сердцу? Ну, разве вы какая-нибудь каша или... ну, я не знаю... телевизор, наконец? Разве вы можете надоесть?

— Иван Карлыч, миленький! — закричал Тимоша и сел на постели.— Ну что ты! Это родители так, не подумав, написали. Ты на них не сердись!

— Почему? — прошептал Иван Карлыч.— Почему у таких бессердечных людей родился не телефонный Булкин, а наш

мальчик?

Пенсне дрожало в его лапке.

– Да ладно! – успокоил Сурка Будильник. – Написали и написали. Что с них возьмёшь! Слушайте дальше. Где это?.. Так, это «старый». Тьфу ты пропасть! Это «надоел»... Да что такое! Вот! «И мы купили тебе молодого, весёлого чижа, чтобы он своим пением приближал тебя к природе. А то, пока у нас нет машины, мы так редко бываем за городом!»

– Кого купили? – переспросил Иван Карлыч.

– Чижа купили какого-то, – недоуменно ответил Будильник.

– А где он? – спросил Тимоша.

– Вот именно: где? – Иван Карлыч с размаху посадил пенсне на нос. – Где этот чиж?

– Надо поискать. Раз написали, должен быть. Тимоша решительно встал.

– Тапки! Тапки! – закричал Иван Карлыч.

Мальчик покорно вбил ноги в тапки и, волоча их по полу, как каторжник ядра, пошёл в комнату родителей. Иван Карлыч и Будильник двинулись следом.

На папином письменном столе был, как всегда, идеальный порядок, который наводила мама. Однако никакого чижа там не было.

У маминого зеркала, словно на боевом посту, как говорил папа, опять-таки в идеальном порядке выстроились тюбики с губной помадой, баночки с тенями и тушью, всякие

склянки с кремами.

Но чижа и там не было.

Не было его и под широкой кроватью, где сиротливо пылились папины гантели, не было его и в шкафу, и на стеллажах с книгами.

– Где же чиж? – вопрошал, вскидывая пенсне, Иван Карлыч.

– Аида на кухню!

Кухня была предметом гордости и мамы, и папы. У мамы здесь, как и во всей квартире, был идеальный порядок, кастрюльки сияли никелированными боками, всевозможные баночки и коробочки для приправ громоздились в таком количестве, точно родители собирались в ближайшем будущем перейти на изготовление блюд только из одних приправ. Правда, Тимоша знал, что в этих коробочках можно найти всё что угодно – от мелких гвоздей до электрических пробок включительно, – но только не приправы.

Папа в своё время решил придать кухне вид деревенской избы. Одну стенку он обил закопчёнными досками, чтобы в кухне, как он говорил, сформировались разные зоны – зона приготовления и зона принятия пищи. А со временем, может, выкроилась бы и третья зона – послеобеденного отдыха.

Все зоны должны были пересекаться у кухонного стола. Вот здесь-то, на кухонном столе, Будильник, Тимоша и Иван Карлыч увидели клетку, накрытую большим пёстрым маминим платком.

Тимоша торопливо стащил платок с металлических прутьев.

И тут все трое ахнули!

Глава четвертая

Чирик

— пырик

Клетка была снаружи так густо оклеена цветными вырезками из рекламных проспектов и иностранных журналов, что невозможно было разглядеть, кто внутри.

На фотографиях сверкали никелем и лаком мотоциклы, матово чернели магнитофоны, свернувшись улитками, громоздились наушники, оскаливались клавишами какие-то неведомые музыкальные инструменты.

Надписи на всех языках рябили в глазах так густо, что и дверца не сразу отыскалась.

Иван Карлыч осторожно постучал в эту заклеенную Дверцу:

— Алло... Алло... Простите...

В клетке что-то зашуршало, и хриплый голос не очень-то вежливо спросил:

— Чего надо?

Не успели они ответить, как дверца распахнулась и в её проёме появился (а может, появилась?)... А вот кто появился, было трудно сказать! Тут Тимоша, Сурок и Будильник ахнули во второй раз.

На том, кто стоял на пороге клетки, были джинсы с та-

ким количеством заклёпок, точно это были не штаны, а по крайней мере паровоз, и футболка с картинками и надписями, такими же, как на стенах клетки... Чего только на ней не было нарисовано: криворотые молодцы лупцевали друг друга босыми ногами, скалились зубастые тигры, наяривали на гитарах лихие певцы. А поверх всего шла густая надпись: MONTANA.

Существо встряхнулось и зазвенело цепочками. Их на его груди и на штанах болталось столько, что с их помощью, пожалуй, можно было поставить на якоря весь торговый флот.

Иван Карлыч, Тимоша и Будильник только рты разинули.

Существо резво повело клювом, оглядело всех сбоку нахальным круглым • глазом и уставилось на Ивана Карлыча.

– Дед, продай очки!

– Что?– растерялся Иван Карлыч.

– Очки!– сказала существо и длинно сплюнуло, чуть не попав в циферблат Будильника. – Могу сменяться! Что про-
сишь?

– У вас плохо со зрением? – посочувствовал Тимоша.

– Со зрением – нормалёк. Это для прикида.

– Для чего? – не понял Иван Карлыч.

– Ну, я этот утиль на нос цепляю,– пояснило существо,–
и все в отпаде!

Иван Карлыч запыхтел от негодования, возмущённо за-
тряс щеками.

– Это, молодой человек,– он гордо вскинул голову,– да

будет вам известно, не очки! Это пенсне!

– Не хочешь меняться – подари!– невозмутимо продолжало существо.

Иван Карлыч задрожал, выпятил грудь и вдруг, срываясь на визг, выкрикнул:

– Перебьёшься! Х-х-х-х-ха-ам!

Существо мгновенно сникло и смиренно чирикнуло:

– Молчу.

Иван Карлыч надел на нос пенсне и, глядя на нахала как бы с очень большой высоты, спросил:

– Так это вы чиж «молодой и весёлый»?

– Ну! – мотнул головой Чижики.

– Ну-с, молодой человек, давайте, так сказать, приблизьте нас к природе...

– Я что, фокусник? – зачирикал Чижики.– До «Природы», может, час на точиле пилить. Тоже сказанул:

«приблизжай».

Он шмыгнул клювом, хмыкнул и сплюнул. Иван Карлыч озадаченно переглянулся с Будильником,

потом снял с носа пенсне и зачем-то стал его протирать.

– То есть я совершенно не понимаю...– бормотал он.– Отказываюсь понимать, с позволения сказать, этот щебет. Что за точило? Почему на нём нужно пилить?..

– Ну, вы все что, воше?

Чижики покрутил жиденькими крылышками у виска и присвистнул.

– Вот так «Руслан»,– принялся растолковывать он.– Ну, «Руслан», где плавают. Вот так «Океан», где хек с минтаем. А вот так,– Чирик протопал пять шагов в сторону на тоненьких ножках,– вот так «Природа». Здоровая такая! Современная!

Иван Карлыч открывал рот, как рыба, вытащенная на берег.

– Я, наверное, схожу, с ума...– просипел он наконец.– Это какой-то кошмарный сон... Богатырь Руслан плавает в океане с хеком... И всё это вместе называется «здоровая природа»...

– Здесь что-то не так,– задумчиво звякнул Будильник.

– Пойдите! Пойдите! – закричал Тимоша.– «Руслан» – это бассейн? Так?

– Ну! Ежу понятно.

– «Океан» – это рыбный магазин? – расшифровывал мальчик.

– А «Природа», вы хотите сказать, зоомагазин? – догадался Иван Карлыч.

– И до неё на такси ехать от нашего дома почти час! – закончил Тимоша.

– Ну! – подтвердил Чирик.– Здоровая такая. На первом – аквариум: кильки-шпроты! На втором – черепахи- ' ёжики, а мы – на третьем.

– Там ты, с позволения сказать, и вылупился? – усмехнулся Будильник.

– Ну! – Опять Чиж мотнул головой так, что все его цепи зазвенели, как грузовик с пустыми бутылками. – В инкубаторе!

– Где? – не понял Иван Карлыч.

– В ин-ку-баторе! – по складам объяснил ему Чижик. – У нас инкубатор – вооще! Им ЭВМ управляет. Чуть перегрелся – сразу щёлк-щёлк, чух-чух-чух-чух – и отключается, чуть остыл – ды-ды-ды-ды – зафурыкал! Тока так! Монтана!

Иван Карлыч уронил пенсне, и оно повисло на чёрном шнурке, как флаг тонущего корабля.

А как же... – пробормотал он растерянно. – Поля, леса, родительское гнездо, наконец?..

– Чего? – не понял Чижик.

– Ладно. А что ты умеешь, дитя «Природы»? – спросил Будильник.

Он был механизм трудящийся. Поэтому всегда сначала выяснял, прикидывал, кто как работает. Умеет работать – хорошо, не умеет – это ещё нужно посмотреть, стоит ли вообще с таким дело иметь. Надо сказать, что Будильник редко ошибался. Друзья у него были, как говорится, «железные», готовые ради дружбы хоть под пресс, хоть в переплавку!

Сейчас в голосе Будильника слышалось сомнение. Будильник много на своём веку повидал, многое научился понимать с первого взгляда и Чижика сразу раскусил. Это он так уж спросил, чтобы уточнить: «Что ты умеешь?»

Глава пятая Музыкальный момент

– Всё! – лихо ответил Чиж.– Всё умею! Пою, танцую, музыку исполняю.

– А ну-ка! – подначил Будильник.– Ну-ка исполни.

– Момент!

Чижик исчез в клетке, повозился там, чем-то пощёлкал и через минуту выпорхнул. На нём был какой-то зелёный комбинезон, красная шляпа, а на длинном ремне у колен болталась гитара.

– Где у вас тут розетка? – засуетился Чижик.

– Зачем? – не понял Будильник.

– Подпитаться!

Он включил в розетку длинный шнур, и сразу вся клетка засветилась изнутри, замигала, по потолку кухни поскакали разноцветные блики...

Чижик присел на полусогнутых ножках. Что-то ухнуло, грохнуло, завыло. И Чижик, закатив глаза под шляпу, вдруг весь задёргался, закричал странные, непонятные, как бы иностранные слова.

Будильник решил, что Чижику бьёт током. Он схватил скалку и с размаху ударил по электрической розетке, чтобы выбить вилку с проводом. Брызнули искры, треснули в прихожей пробки, и грохот стих. Но Чижик почему-то ещё продолжал извиваться и молча раскрывать клюв.

– Что с ним?! – закричал Иван Карлыч. Чижик опомнился, ошалело повертел головой, потом сунулся в клетку.

– Кранты! – сказал он, высовываясь обратно.– Маг сго-

рел... Так что всё, до другого раза.

– Так ты... пел под фонограмму? – догадался Тимоша.

– Ну!

– Что значит «петь под фонограмму»? – сажая на нос пенсне, полюбопытствовал Иван Карлыч.

– Музыку записывают на магнитофон. Магнитофон играет где-то за, кулисами, а артист на сцене только открывает рот, – пояснил Будильник. – И как я сразу не догадался! Я думал, его замкнуло! – оправдывался он.

– А может, без фонограммы?! – предложил Тимоша.

– Как это? – не понял Чижик.

– Ну, просто спой.

– Ха! – усмехнулся Чижик. – У меня ни магнитофона, ни усилителя, ни синтезатора... Тока тоже нет!

– Да зачем они? – сказал Тимоша. – Спой просто так!

– Как это?

– Ну, своим голосом!

– А разве так поют? – удивился Чижик.

– Только так и поют, – сказал Иван Карлыч.

– Ха! – присвистнул Чижик. – Свистите!

– Я не свистю, то есть не свищу! – опять начал возмущаться Сурок.

– А вы спойте, сами спойте ему! – подсказал Будильник.

– Иван Карлыч, давай споём? Ну, вполголоса, – попросил Тимоша.

– Хорошо, – сказал Сурок. – Но помни: у тебя больное гор-

ло.

Он достал кружевной белый платочек, протёр пенсне, потом принёс футляр с флейтой.

Чирик моментально сунул в футляр длинный любопытный нос.

– На полупроводниках? – тоном знатока спросил он, кивнув на флейту. – На микросхеме? Сурок возмущённо запыхтел.

– Композитор Людвиг ван Бетховен, – объявил Будильник. – «Сурок». Посвящается пра-пра-пра-пра-(и так далее) дедушке Ивана Карлыча.

Сурок высморкался, долго и сосредоточенно прилаживался к флейте, точно раздумывал, с какого конца в неё дуть, наконец выбрал и, качнувшись всем телом, повёл мелодию.

Грустная и светлая музыка зазвучала на кухне, через открытую форточку вылилась на улицу и поплыла рядом с облаками...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.